

УДК 343.3

А.В. Корнилов

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ К ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматриваются публичные призывы к экстремистской и террористической деятельности, определяется различие между ненавистью и враждой, выделяются проблемы квалификации и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, публичные призывы к осуществлению экстремистской либо террористической деятельности.

Преступления экстремистской направленности занимают все более заметное место в общей структуре преступности, от их правильной квалификации зависит качество реализуемых уголовно-правовых отношений. Правовая оценка признаков данных преступлений предполагает не только их разграничение, но и отграничение от иных, смежных с ними, составов преступлений.

Термин «экстремизм» (от лат. *extremus* – крайний) определяется как «приверженность к крайним взглядам и радикальным мерам, а также реализация этих мер» [1. С. 10]. Принятие Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности») ознаменовало серьезные изменения и дополнения в УК России. В этот период термин «экстремизм» получил уголовно-правовое закрепление и одновременно сформировалась группа преступлений, получившая наименование «преступления экстремистской направленности». Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» было изменено название ст. 280 УК России с «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации» на «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности».

Таким образом, был расширен объект уголовно-правовой охраны общественных отношений от любых форм проявления политического либо идеологического экстремизма, а не только тех преступлений, которые охватывали традиционные формы политического экстремизма, предусмотренные ст. 275–279 и 281 гл. 29 УК РФ. Исторически сложилось, что публичный призыв по ст. 280 УК России включал в себя только вышеприведенные преступления: так, в УК РСФСР было две статьи, которые предусматривали ответственность за публичный призыв к таким преступлениям, – это ст. 70 УК РСФСР «Призывы к насильственному изменению конституционного строя» и ст. 70.1 УК РСФСР «Призывы к совершению преступлений против государства», куда входили такие составы, как измена Родине, террористический акт и диверсия.

Объективную сторону ст. 280 УК России составляют публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности.

Экстремистская деятельность законодательно определена в п. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 54-ФЗ). Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» понятие преступлений экстремистской направленности было закреплено в уголовном законодательстве. В п. 2 примечания к ст. 282¹ УК России под ними понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК России и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК России. Использование законодателем множественного окончания в слове «мотив» не совсем оправдано, так как экстремист может руководствоваться в своей деятельности и одним мотивом. Следовательно, необходимо изменить формулировку нормы, закрепив в ней: «по одному либо нескольким мотивам ...».

Определение качества преступного поведения является одной из задач правильной уголовно-правовой оценки оперативной информации. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК России обязательному доказыванию по уголовному делу подлежат виновность лица, форма его вины и мотивы преступления. Любое преступление немыслимо без мотива, который представляет собой внутреннее побуждение индивида как к действию, так и к бездействию. Определение мотива поведения только как побуждения к действию, предложенное И.В. Погодиным: «это внутреннее побуждение к действию, желание, которое определяется потребностями, интересами, чувствами, возникающими или обострившимися под влиянием внешней среды конкретной ситуации», представляется нам не совсем правильным [2. С. 45-46]. Преступление – это деяние, следовательно, любое действие, равно как и бездействие, имеет свою мотивацию. Главным признаком преступлений экстремистской направленности являются мотивы их совершения, которые достаточно полно и точно определены законодателем в примечании к ст. 282¹ УК России.

Верховный Суд Российской Федерации в п. 2 Постановления Пленума от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» признает, что к преступлениям экстремистской направленности может быть отнесено любое преступление, если оно было совершено по одному из шести экстремистских мотивов, выступая в качестве конститутивного признака конкретного состава преступления, либо квалифицированного признака или обстоятельства, отягчающего наказание. Верно утверждение на этот счет С.В. Борисова и А.В. Жеребченко, которые считают, что такая широкая трактовка «размывает уголовно-правовые рамки экстремизма, распыляет финансирование программ по противодействию данному явлению, а также усилия правоохранительных органов в этой области» [3. С. 4].

Публичный призыв представляет собой специальный случай подстрекательства. Это такие ситуации, когда подстрекатель склоняет к преступной деятельности неопределенный круг лиц, склонение же конкретного лица квалифицируется по ч. 4 ст. 33 и по статье Особенной части УК России, предусматривающей преступление, к которому подстрекал преступник. Исключения будут составлять деяния, предусмотренные в ч. 1 ст. 205¹ УК России, подстрекательство к ним идет без ссылки на ст. 33 УК России, а публичный призыв охватывается ч. 1 ст. 205² УК России. До сих пор в специальной литературе можно встретить квалификационные ошибки, например, В.И. Шиян предлагает подстрекательство к преступлению, предусмотренному ст. 277 УК России, квалифицировать по ст. 33 и 277 УК России [1. С. 228], однако им совершенно не учитываются изменения, внесенные в УК России в 2002 г. Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ, которые в корне изменили такую квалификацию и практику правоприменителя. Таким образом, оценка ядра экстремизма (ст. 277, 278 и 279 УК России) с позиций подстрекательства к данным преступлениям изменилась с ч. 4 ст. 33 УК России на самостоятельный состав преступления – ст. 205¹ УК России (с учетом изменений, внесенных в ст. 205¹ УК России Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ).

Опасность такого преступления обусловлена тем, что в небольшой период времени экстремистская мотивация может быть усилена и структурирована у большого числа людей. Это в дальнейшем облегчает процесс их вербовки, определения направлений деятельности в рамках конкретных экстремистских организаций. Публичность призыва означает его открытый характер, обнародование в присутствии публики, адресованность широкой аудитории. При этом верно отмечает В.И. Шиян: «Не имеет ни малейшего значения, насколько или какая часть данной аудитории как реального адресата восприняла или разделяет предлагаемую позицию» [1. С. 227]. Приведем пример: 7 апреля 2009 г. В. Копейкин под именем «Никон» разместил на форуме некоего российского информационного агентства статью, скопированную с одного из националистических сайтов, содержащую призывы к поджогам зданий правоохранительных органов и государственных учреждений, убийствам. Читатель форума, 32-летний житель Москвы, сообщил об обнаруженной статье в Региональное управление ФСБ России по Тюменской области (IP-адрес «Никона» принадлежал оператору связи из Тюменской области). В ходе оперативно-розыскных мероприятий была установлена личность «Никона». Мировым судьей судебного участка № 1 Центрального округа Тюмени 21 января 2010 г. был вынесен приговор в отношении В. Копейкина, обвиняемого по ч. 1 ст. 280 УК России [4].

Сущность преступлений экстремистской направленности составляет ненависть или вражда по одному из экстремистских мотивов. В Толковом словаре русского языка термины «ненависть» и «вражда» взаимно определяют. Под «ненавистью» понимается «чувство сильной вражды, злобы» [5. С. 408], а под «враждой» – «отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью» [5. С. 102]. Представляет практический интерес утверждение В.И. Шияна, что нужно «обращать внимание на грамматическую форму, в которой заключено сообщение. В русском языке призывы, как правило, вы-

ражаются глаголами повелительного наклонения – «делай», «бей», «спасай-те» и т.д.» [1. С. 226], в то время как «наиболее типичными значениями сослагательного наклонения («хотелось бы», «было бы желательно») являются условность и желательность действия, а не призыв к его совершению» [1. С. 226]. В силу этого «любые публичные высказывания лица о целесообразности или возможности осуществления экстремистской деятельности, выраженные глаголами в форме сослагательного наклонения, не охватываются ст. 280 УК России» [1. С. 226]. Данный вывод имеет большое практическое значение при уголовно-правовой оценке оперативных материалов на предмет наличия публичных призывов к экстремистской и террористической деятельности.

В методических рекомендациях Генеральной прокуратуры Российской Федерации применительно к возбуждению национальной, расовой или религиозной вражды сказано, что «от информации, возбуждающей вражду, следует отличать констатацию фактов. Последняя не несет никакого отрицательного «эмоционального заряда» и не направлена на формирование негативной установки, вражда в данных рекомендациях определяется как неприязнь, сильная антипатия, ненависть, желание любыми способами ущемить чьи-либо права и законные интересы» [6]. Это понимание можно распространить и на политические и идеологические экстремистские мотивы применительно к целям ст. 280 и 205² УК России. В научной литературе имеются ошибки описания мотивов совершения экстремистских преступлений по ст. 280 УК России, нередко можно увидеть указание на все шесть экстремистских мотивов: политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды к определенной социальной группе [1. С. 227, 228].

По нашему мнению, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, квалифицируемые по ст. 280 УК России, возможны только по мотивам политической или идеологической ненависти или вражды, так как остальные экстремистские мотивы охватываются ст. 282 УК России.

Приведем пример: житель г. Омска В. Мефодьев признан виновным в публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности по ч. 1 ст. 280 УК России мировым судьей Центрального округа г. Омска. В судебном заседании установлено, что 18 апреля 2009 г. В. Мефодьев на территории памятного мемориала «Борцам революции», расположенного в центре г. Омска, распространял среди населения листовки, содержащие призывы к совершению 5 мая 2009 г. убийств, взрывов, поджогов зданий органов государственной власти, хулиганских действий и актов вандализма на территории России. Основной аргументацией необходимости совершения данных действий до призывов В. Мефодьева послужила смерть ряда лидеров национал-социалистических движений. В судебном заседании В. Мефодьев пояснил, что таким образом он пропагандировал национал-социалистическую и профашистскую идеологию, основывающуюся на политической, расовой, национальной и религиозной ненависти и вражде [7].

Возникает проблема разграничения квалификации публичных призывов к осуществлению экстремистской (ст. 280 УК России) и террористической деятельности (ст. 205² УК России).

Закрепление Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ уголовной ответственности в ст. 205² УК России за призыв к террористической деятельности было обусловлено международными обязательствами России, которые содержатся в ст. 5 «Публичное подстрекательство к совершению террористического преступления» Конвенции Совета Европы от 16 мая 2005 г. № 196 «О предупреждении терроризма».

Основная проблема квалификации по ст. 280 УК России – это вычленение части экстремистской деятельности с политической или идеологической мотивацией, которая определена в п. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Речь идет о публичном оправдании терроризма и иной террористической деятельности.

Следовательно, необходимо из экстремистской деятельности вычленить часть – террористическую деятельность. Во многом это разграничение было сделано законодателем. Цель преступления вытекает из направленности действий, указанных в диспозиции ст. 205² УК России, – побудить граждан к осуществлению террористической деятельности или оправданию терроризма.

Так, Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ было изменено название ст. 205¹ УК России: ранее оно закреплялось как «Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению» (ст. 205¹ УК России была введена в УК России в июле 2002 г.), теперь же статья называется «Содействие террористической деятельности». По нашему мнению, основное изменение было связано с закреплением уголовной ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности. Необходимость в общей терминологии обусловлена появлением новой нормы – ст. 205² УК России, где предусмотрена ответственность за публичный призыв к террористической деятельности, в силу чего в ст. 205¹ УК России термин «преступления террористического характера» заменили на «террористическую деятельность». Таким образом, понимание террористической деятельности для целей ст. 205² УК России нужно выводить не только из содержания п. 2 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», согласно которому террористическая деятельность включает в себя организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; подстрекательство к террористическому акту; организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности, но и из содержания ч. 1 ст. 205¹ УК России, в которой указано восемь составов преступлений, охватываемых понятием «террористическая деятельность». Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ ч. 1 ст. 205¹ УК России была дополнена указанием на содействие террористической деятельности в виде подстрекательства и пособничества к насильственному захвату власти

(ст. 278 УК России) и вооруженному мятежу (ст. 279 УК России). Следовательно, если ранее подстрекательство к насильственному захвату власти или вооруженному мятежу охватывалось ч. 4 ст. 33 и ст. 278 или ст. 279 УК России, то с 27 июля 2006 г. они стали самостоятельными составами преступлений, предусмотренными ч. 1 ст. 205¹ УК России.

Публичный призыв к насильственному захвату власти должен быть квалифицирован аналогично по ст. 205² УК России, а не по ст. 280 УК России, как традиционно привыкли квалифицировать и давать уголовно-правовую оценку правоохранительные органы. Для определения террористической деятельности необходимо исходить из содержания диспозиции ч. 1 ст. 205¹ УК России для целей ст. 205² УК России, так как изменения в ст. 205¹ УК России были внесены позднее (Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ), чем принят Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (речь идет о п. 2 ст. 3 указанного закона).

Проблемных вопросов квалификации публичного оправдания терроризма не отмечено, так как она вытекает из определения терроризма, закрепленного в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Приготовление наказуемо только по ч. 2 ст. 205² УК России (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма с использованием средств массовой информации) с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ, санкции ч. 2 ст. 205² УК России с пяти лет лишения свободы до семи.

Возникает вопрос: может ли быть квалификация по нескольким статьям УК России, исходя из содержания призыва к различным видам экстремистской деятельности? Следственно-судебная практика утвердительно отвечает на этот вопрос. Приведем пример: житель г. Уфы Республики Башкортостан К. Пермяков публично призывал к экстремизму на интернет-сайте, который он сам создал, и публиковал на нем материалы о превосходстве и исключительности представителей русской национальности над другими расами, он призывал к активным действиям, направленным на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушения целостности Российской Федерации, совершение массовых беспорядков, террористической деятельности и оправданию терроризма. Установлено, что К. Пермяков входил в состав членов неформальной организации национал-социалистической направленности «Специальная тактическая группа «Сапсан», использовал экстремистские материалы, в том числе входящие в Федеральный список экстремистских материалов, запрещенных к распространению. Судом Советского района г. Уфы Республики Башкортостан доказательства, представленные следственным органом Следственного комитета по Республике Башкортостан, признаны судом достаточными для вынесения обвинительного приговора Пермякову К. по нескольким статьям: ч. 1 ст. 282, ч. 2 ст. 280, ч. 3 ст. 212, ч. 2 ст. 205² УК России [8].

Квалифицированный состав публичных призывов к осуществлению экстремистской либо террористической деятельности содержит указание на использование средств массовой информации. В связи с этим возникает про-

блема: относится ли информационная сеть Интернет к таким средствам или нет? Это важный вопрос, так как Интернет сегодня пестрит призывами к экстремистской деятельности (в широком смысле: ст. 205², 280 и 282 УК России). Трактовка СМИ, не включающая в свой состав сеть Интернет, была закреплена в ч. 2 ст. 185³ УК России: так, в первоначальной редакции в качестве квалифицированного признака указано использование средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования (включая сеть Интернет), как видим, знак равенства между ними отсутствовал (статья введена в УК России Федеральным законом от 30 октября 2009 г. № 241-ФЗ – вступила в силу с 14.11.2009 г.). Однако с 27.01.2011 г. она действует в редакции Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ. В действующей редакции (с 27.01.2011 г.) данной статьи произошли существенные изменения – в основном составе средства массовой информации получили новую трактовку: «...распространение через средства массовой информации, в том числе электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет») ...». Схожая трактовка СМИ закреплена Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ в п. «б» ч. 3 ст. 242, в п. «г» ч. 2 ст. 242¹ УК России: «с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)».

Таким образом, в отдельных статьях Особенной части УК России определили информационно-телекоммуникационную сеть Интернет в качестве средства массовой информации. К сожалению, данное изменение не коснулось ст. 205², 280 и 282 УК России. Это нововведение следует признать абсолютно обоснованным. Усиливающаяся компьютеризация общества приводит к тому, что основной объем информации (положительный либо отрицательный) человек начинает получать именно через информационно-телекоммуникационные сети. Еще в 2010 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» в п. 6 указал, что периодическое распространение массовой информации может осуществляться через телекоммуникационные сети (информационно-телекоммуникационные сети), в том числе через сеть Интернет. Массовая информация в сети представлена в основном посредством сайтов. Строгого определения сайта не существует, его можно определить как совокупность электронной информации, представленную на одной или нескольких веб-страницах в сети Интернет, имеющую общего владельца и объединенную одним электронным адресом (IP-адресом или доменным именем). Для признания информационного сайта сетевым изданием необходима его регистрация в качестве средства массовой информации, о чем указано в Законе РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации».

В п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» указано, что если публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма совершены с использованием сетевых изданий (сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, зарегистриро-

ванных в качестве средства массовой информации в установленном порядке), содеянное следует квалифицировать по ч. 2 ст. 205² УК России. Использование для совершения указанных деяний сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, не зарегистрированных в качестве средства массовой информации в установленном порядке, квалифицируется по ч. 1 ст. 205² УК России.

Следовательно, при квалификации по ст. 205², 280 и 282 УК России необходимо учитывать изменения законодательства о средствах массовой информации, т.е. при публичных призывах с использованием СМИ понимать их широкую трактовку, включая сетевые издания (сайты в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, зарегистрированные в качестве средства массовой информации в установленном порядке).

Проблем квалификации преступлений экстремистской направленности достаточно много, в настоящей статье акцент был сделан на наиболее важных вопросах, требующих разрешения в целях практической реализации борьбы с экстремизмом и терроризмом.

Литература

1. *Экстремизм и его причины* / под ред. Ю.М. Антонына. М., 2010. 288 с.
2. *Погодин И.В.* Преступления экстремистской направленности: методика доказывания / под науч. ред. и с предисл. д-ра юрид. наук., проф. Н.А. Колоколова. М., 2012. 424 с.
3. *Борисов С.В., Жеребченко А.В.* Квалификация преступлений экстремистской направленности: учеб. пособие / отв. ред. и предисл. — засл. деят. науки РФ, д-р юрид. наук, проф. Н.И. Ветров. М., 2011. 287 с.
4. В Тюмени оштрафован местный житель за призывы к экстремизму. СОВА — информационно-аналитический центр [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2010/01/d17811/> (дата обращения: 25.05.2012).
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2008. 944 с.
6. *Методические рекомендации «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды».* Утверждены заместителем Генерального прокурора РФ М.Б. Катышевым от 29.06.1999 № 27-19-99 [Электронный ресурс]. СПС — Гарант эксперт.
7. *Уголовное дело* расследовало следственное отделение УФСБ России по Омской области (осужден условно к лишению свободы сроком на 1 год 6 месяцев) // Официальный сайт прокуратуры Омской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prokuratura.omsk.ru/1205102.html> (дата обращения: 25.05.2012).
8. *В Уфе осужден член СПГ «Сапсан» за призывы к экстремизму и возбуждение национальной ненависти* [Электронный ресурс]. URL: http://www.rapsi-pravo.ru/judicial_news/20100524/250150339.html (дата обращения: 25.05.2012).